

общей для всех текстов Марины Такало системы «смыслов», которую можно было бы назвать моделью мира Марины Такало.

Складывается впечатление, что проделана огромная предварительная работа по упорядочению результатов почти десятилетних исследований. Она уже принесла ощутимые и весьма интересные результаты, но достижение основной цели — описание модели мира именно как модели Марины Такало — еще впереди. Это предполагает, по-видимому, выявление полного набора абстрактных и конкретных классификаторов и их анализ на основании того обширного материала, которым располагает Ю. Пентикяйнен. Другими словами, необходимо выяснить, с помощью каких классификаторов Марина Такало ориентировалась в окружающем мире и определяла в нем свое место. Какова их иерархия и каково их семантическое накопление? Наконец, в чем проявляются индивидуальные особенности классификационной деятельности Марины Такало? А последний вопрос предполагает сравнительный анализ и, следовательно, развертывание работы по описанию индивидуальных картин мира.

Исследование Ю. Пентикяйнена открывает новые перспективы в изучении, казалось бы, традиционной проблематики личности носителя фольклорно-этнографической традиции. Уникальная полнота и глубина описания внутреннего мира одного человека, индивидуальные механизмы восприятия, хранения и передачи этнокультурной традиции ставят исследование финского ученого в один ряд с наиболее значительными трудами в области этнографии и фольклористики, представляя особую ценность для разработки общей теории культурной традиции.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

К НОВОМУ ИЗДАНИЮ «ЗОЛОТОЙ ВЕТВИ»

Джеймс Джордж Фрэзер. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Изд. полит. лит., 1980, 831 с. Редакция, послесловие и комментарий Токарева С. А. Перевод с англ. М. К. Рыклина.

Этнография — одна из самых молодых исторических наук, она значительно моложе археологии и несравненно моложе гражданской истории, если учитывать давность именно собственно научного периода развития этих дисциплин, а не преднаучный период появления их зачатков. Как это обычно бывает с молодыми науками, темпы ее развития особенно высоки, едва ли не каждое десятилетие нашего века знаменуется появлением новых школ, теорий и концепций. Однако есть произведения, относящиеся к золотому фонду науки, которые стареют, но не устаревают, хотя в них отчетливо отразилась специфика времени их создания, уровень научной мысли, идейное настроение породившего его времени; они тем не менее сохраняют непреходящую ценность и в ходе дальнейшего поступательного движения науки, интерес и свежесть восприятия для многих поколений людей. Естественно, подобные произведения должны время от времени переиздаваться и снабжаться новыми, соответствующими эпохе комментариями. К их числу относится и труд Фрэзера, новый перевод которого опубликован в серии «Библиотека атеистической литературы», уже много лет издаваемой Издательством политической литературы.

«Золотая ветвь» Фрэзера — религиоведческое исследование, однако характер этого произведения, основанного на кросс-культурном анализе и тесно связанного с проблематикой истории первобытности, по преимуществу этнографический. Перед нами одно из классических сочинений, лежащее в фундаменте этнографических знаний о формировании ранних религиозных представлений и до настоящего времени являющееся неиссякаемым родником фактов и наблюдений.

Перевод «Золотой ветви» на русский язык впервые вышел в 1928 г. Однако он был выполнен с французского издания, и поэтому не давал полного представления о языке и стиле автора. Нынешний перевод, осуществленный М. К. Рыклиным, сделан с последнего лондонского издания 1923 г. Это созданный самим Фрэзером сокращенный вариант полного издания «Золотой ветви» (1911—1915 гг.), мало популярного в силу своей громоздкости. Большинство ученых предпочитало и предпочитает использовать именно этот вариант.

Отправным пунктом труда Фрэзера является обычай, регулировавший замещение должности жреца Дианы Арийской при ее храме у озера Неми, в окрестностях древнего Рима. Претендент на эту должность должен был, сорвав предварительно «золотую ветвь» священного дуба, убить в поединке своего предшественника, денно и ночью охранявшего этот дуб. Для объяснения генезиса этого обычая Фрэзер пред-

принимает сложнейший и разветвленнейший анализ сходных обычаев у множества народов, связанных с жертвоприношениями, ритуальными убийствами царей-жрецов и инкарнаций божества, и всевозможными магическими обрядами, что позволяет ученому дать гораздо более широкую картину истории человеческих предрассудков и заблуждений, выразившейся в многотысячелетней эволюции магических и религиозных представлений.

Не следует забывать, что Фрэзер жил и работал в викторианской Англии, и хотя вся его деятельность по существу была не только глубоко антиклерикальна, но и антирелигиозна, он тем не менее не мог выступать с открыто атеистических позиций, и вынужден был свои разоблачения «святых» ценностей религии облекать в двусмысленную, туманную фразеологию, предоставляя самому читателю разобраться, какая из двух или даже нескольких альтернатив истинна, а какая ложна. Следует отметить, что исследовательскую манеру Фрэзера вообще отличает гибкость формулировок. Из текста книги видно, что сам он никогда не придавал своим идеям жесткой догматической формы, в которую они отливались в работах его последователей и в которой они часто излагались его критиками.

Что же делает труды автора викторианской эпохи интересными современному советскому читателю? Прежде всего, это необъятная эрудиция Фрэзера и огромное разнообразие использованных им этнографических и исторических источников. Фактологическая база его труда грандиозна, он привлек внимание ко многим редким или забытым явлениям или деталям, снабдил книгу выписками из малоизвестных сочинений античных авторов и путешественников нового времени, использовал этнографические материалы по самым разным сторонам духовной жизни первобытных обществ всех континентов, собрав колоссальное количество фактов. Нельзя не отметить, что в отличие от подавляющего большинства других западноевропейских авторов конца прошлого века Фрэзер достаточно широко использовал русскую этнографическую информацию и сослался на многие факты из архаического быта славян.

В 12-томном издании «Золотой ветви» содержатся исчерпывающие списки литературы по затронутым в тексте темам, дающие полное представление о замечательном арсенале фактических средств, которыми пользовался Фрэзер, создавая свое произведение. Строгая документация фактов и наблюдений позволяет осуществить в необходимых случаях их перепроверку.

Рассуждая об основных фазах духовного развития человечества, Фрэзер создает трехчленную формулу: магия — религия — наука, которая вызвала оживленные споры, острую критику одних и активную поддержку других, породила громадную литературу о соотношении этих форм духовной деятельности людей, особенно на ранних этапах человеческой истории. Без рассмотрения этой формулы не обходится ныне почти ни одно исследование по истории античной науки и философии; именно здесь можно с наибольшей полнотой наблюдать те предпосылки в идеологии общества, на почве которых вырастают первые побеги научного подхода к действительности.

Однако формула Фрэзера, ее принятие или неприятие, критика и использование актуальны не только в вопросах генезиса научного подхода, но и еще большее значение имеют они при анализе представлений о сверхъестественном. Вне зависимости от того, называть ли все проявления этой веры в сверхъестественное религией, или же терминологически разграничивать, как это делает Фрэзер, магию и религию в рамках более общего понятия, в любом случае подход и умозрительные построения Фрэзера относительно различения и соотношения между безличным ходом неведомых сил, на который должна воздействовать магия, и персонафицированными образами этих сил, божествами — объектами религиозного культа и в наши дни не могут считаться устаревшими. Действительно, при конкретном анализе религиозного поведения носителей первобытных религий выделение личностного аспекта объектов культа или объективных сверхъестественных сил, направляемых посредством магии, как правило, очень существенно. Конечно, в реальной действительности, особенно в первобытном и раннеклассовом обществе, представления, понятия, образы и действия, носящие магический, собственно «культово-религиозный» и даже эмбрионально-научный характер, нередко тесно переплетены и лишь с трудом поддаются искусственному разграничению в ходе их научного исследования, но разграничение это необходимо, и в его проведении формула Фрэзера сыграла свою положительную роль. Разумеется, в свете достижений современного науковедения и религиоведения формула Фрэзера излишне схематизирует положение дел, имевшее место в действительности, но она стимулировала исследовательскую мысль на протяжении многих десятилетий, и при анализе определенных конкретных случаев, по-видимому, сохраняет известное значение и по сей день.

Помимо упомянутой выше общетеоретической идеи, рецензируемая книга ввела в науку ряд результатов, мимо которых не может пройти ни один современный исследователь. Тщательное освещение проблем, связанных с культом животных в охотничьих коллективах и культом деревьев в обществах земледельцев, обзор истории оргиастических культов как в архаических обществах разных континентов, так и в древнейших государствах и государствовподобных образованиях древнего Востока и античного мира, тесное переплетение собственно светской власти и жреческих функций первых царей, значение разнообразных жертв как выражение магии сопричастия, выявление и обстоятельный анализ форм первобытной магии — вот далеко не полный перечень достижений Фрэзера, сохранивших с теми или иными оговорками свое значение до настоящего времени. Как видим, многие страницы книги Фрэзера имеют силу научной доказательности до сих пор.

Фрэзер был одним из крупнейших представителей классического эволюционизма XIX в. и разделял с этим течением научной мысли как его сильные, так и его слабые

стороны. Нельзя не отметить его безудержного увлечения сравнительным методом, что приводит к сравнениям без учета пространственного происхождения фактов и их хронологической принадлежности, переоценке сакрального момента в происхождении государственной власти и многим другим недостаткам, отмеченным критиками «Золотой ветви».

Однако недостатки труда Фрэзера — это общие погрешности эволюционистской научной мысли соответствующей эпохи, и они имеют для нас исторический интерес, тогда как достоинства этого труда делают его действенным пособием и инструментом для современного исследователя. Поэтому выход в свет в новом переводе этого классического произведения служит прекрасным подарком советскому читателю.

Статья С. А. Токарева, кратко, но выпукло дающая как творческий образ английского мыслителя, так и обзор основных идей его книги, умело составленные географический, предметный и топонимический указатели, квалифицированные примечания повышают ценность этого издания.

С. А. Арутюнов.

ОБ ИСТОРИКО-РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗГЛЯДАХ Дж. ФРЭЗЕРА

Фундаментальный двенадцатитомный труд Фрэзера стал составным элементом этнографической и религиоведческой классики. В различных объемных вариантах он переводился на разные языки мира, в том числе и на русский. В 1928 г. «Золотая ветвь» была издана на русском языке четырьмя выпусками в переводе с авторизованного сокращенного французского текста. В дальнейшем было предпринято новое издание с поправками и дополнениями; оно было рассчитано на два тома, но вышел только первый (1931 г.). Теперь опубликовано новое русское издание «Золотой ветви», причем перевод сделан с английского оригинала — с сокращенного издания 1923 г., обработанного самим Фрэзером. Необходимо отметить тщательность подготовленного Политиздатом современного издания, хороший перевод, содержательность комментариев и редакционных примечаний. В принадлежащем С. А. Токареву послесловии дан, с нашей точки зрения, ценный и правильный анализ значения научного творчества Фрэзера, причем вполне уместным представляется указание на наличие в литературе «явного преувеличения» этого значения, как и вывод, по которому «если даже откинуть эти явные преувеличения, то остается многое, что ставили в заслугу Фрэзеру вполне справедливо» (с. 802).

Укажем вместе с тем на отдельные погрешности в подготовке издания, которых следовало бы избежать. Перевод не обошелся без отдельных неточностей и вольностей. Фигурирующий в оригинале и общепринятый как в библеистике, так и в религиоведении в целом термин «козел отпущения» (англ. Scaregoat) в ряде случаев заменен здесь словами «искупитель чужих грехов» или еще менее определенными выражениями; эта вольность особенно ощущается в заголовках. В рецензируемом издании нет ни одного заголовка «Козел отпущения», в оригинале же они фигурируют неоднократно. Столь же неправомерно выглядит перевод эпитета «греческая» в применении к церкви словом «православная». Это ведет даже к недоразумениям. Так, в тексте перевода мы читаем приводимую Фрэзером цитату: «На Страстную пятницу в православных церквях на всеобщее обозрение выставляют восковое изваяние мертвого Христа...» и дальше идет подробное описание сложнейших церемоний, связанных с этим изваянием (с. 384—385). Но в русских православных церквях ничего похожего нет! Недоразумение усугубляется тем, что к приводимой Фрэзером цитате, как и во всех других случаях, не дается ссылки на ее источник. Может быть, имело бы смысл привести эти ссылки, взяв их из других английских изданий «Золотой ветви».

Географический комментарий к изданию отличается богатством и точностью содержания. Можно предъявить некоторые претензии лишь к подстрочным примечаниям. В них попадаются неточности¹, многие из примечаний вообще не стоило бы давать в издании подобного профиля². Отвлечемся, однако, от этих частных и воспользуемся

¹ Неверно, например, что «Иероним святой» перевел Библию с греческого языка (с. 385). Он перевел Ветхий завет с древнееврейского, а величать его самого следует не Святым, а Блаженным. Неточно следующее определение: «Анимизм... вера в то, что во всех предметах и явлениях заключена таинственная душа» (с. 138); правильнее было бы — «в некоторых (или „во многих“) предметах и явлениях». Не вполне точно дано определение понятия экзорцизма (автор примечания почему-то настаивает на греческой транслитерации — «экзорцизм» вместо принятого в русской научной литературе лат. «экзорцизм»): «закливание духов с целью заставить их служить человеку» (с. 64). Основная цель экзорцизма заключается в *изгнании* духов.

² Вряд ли, например, читателю подобного издания надо разъяснять, что Плутарх был «древнегреческий писатель и историк», Плиний Ст.— «римский писатель и ученый» (с. 26), а Аристотель — «древнегреческий философ и ученый» (с. 46).